

УДК 81-26

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/9

Из паремиологического наследия русинского языка (орнитоним куриця, курка)*

В.М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
E-mail: mokienko40@mail.ru

Авторское резюме

Предлагается лингвокультурологический и аксиологический анализ русинских пословиц и поговорок компонентом-орнитонимом **куриця, курка**. Общее число таких языковых единиц – 25. Источниками материала послужили русинские словари Д. Попа и И. Керча, а также многочисленные паремиологические сборники украинского, белорусского, русского и инославянского малого фольклора. В необходимых случаях привлекались и неславянские источники, расширяющие ареальную зону бытования русинской орнитологической паремиологии. орнитологические паремии – одна из активных групп паремиологических анимализмов. Как показывают предыдущие исследования, некоторые из таких русинских лексем (например, *потя*) уходят в праславянскую эпоху, демонстрируя ценность русинского языкового материала для общеславянских реконструкций. Анализируемый материал характеризуется структурно-семантическим и образным разнообразием: 1. Поговорки (resp. фразеологизмы): *Збыв бы пила хижі кури пытаги; здохла тот курочка, што дві яйця несла; куряча памнять; курьом на сміх; курячої око*. 2. Устойчивые сравнения: *голоден, ги мелникова курка; куріцматься ги квѣчка на яйцѣх; розсілася ги квѣчка; писати ги куриця лабѣв; такий ги мокра куриця; трафілося ги сліпѣв курици зирня; упало му ги сліпѣв курици зирня*. 3. Пословицы: *Из курьми лігай, а з когутами вставай; Лігай спати из курьми, а вставай з когутом; И сліпѣв курици зирня ся трафить; Кому свальба, а курици смирть; Кому што, а курици зирня; Котра куриця много кодкодаче, тот ся мало несче; Кури на сідало, баба на лежало; Куриця гребе, обы дашто угребла; Куриця думала та й здохла; Куря квѣчці не розказує; Яйце курицю учить*. 4. Разное: *Присядьте дамало, обы ся у нас кури несли; Ходи на пальцѣх,*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00305 «Русинская фразеология на славянском фоне: лингвокультурологический комментарий и лексикографическое описание».

кідь хѡчеш имити куріцію на яйцѡх. Ср. также образное русинское название Плеяд, Семизвездия – ‘Курички’. Русинские паремии с компонентами-орнитонимами отражают органическое единство душевной, психической и телесной характеристики человека и различных ситуаций, в которые он попадает. Находят в этих паремиях и такие стороны, как эмоционально-психические особенности, физическая и речевая деятельность, интеллектуальные свойства, физиологическое состояние и т. п. Представленные факты убедительно доказывают значимость такой характеристики языковыми средствами. Отражая концептуальную универсальность орнитонимов, они в то же время демонстрируют как конкретные межъязыковые и культурные связи с паремиологией других народов, так и собственную национальную специфику, сформировавшуюся на конкретной территории в конкретный исторический период. Русинская специфика, как показало ее сопоставление с аналогичной украинской, белорусской и русской, а также польской, словацкой и чешской на широком общеевропейском фоне, проявляется в основном в форме паремий, а не в их содержании. Дидактический смысл славянской (в том числе и русинской) паремиологии остается в основном интернациональным. Тем самым русинский язык и его культура, в том числе и паремиологическая, демонстрируют древнее и неразрывное единство славянской и неславянской Европы, постоянно обогащавших друг друга своим взаимопроникновением.

Ключевые слова: русинский язык, паремиология, фразеология, пословица, поговорка, сопоставительная паремиология.

From paremiological heritage of the Rusin language (ornithonyms ‘kuritsya’, ‘kurka’)*

V.M. Mokienko

St. Petersburg State University

11 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: mokienko40@mail.ru

Abstract

The article offers a linguoculturological and axiological analysis of Rusin proverbs and sayings by means of the ornithonyms ‘kuritsya’, ‘kurka’. The total number of such

*The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research under Project Nr. 20-012-00305 “Rusin phraseology against a Slavic background: linguoculturological commentary and lexicographic description.”

language units is 25. The material was found in the Rusin dictionaries of Dmitro Pop and Ihor Kercha, as well as in numerous paremiological collections of Ukrainian, Belarussian, Russian and other Slavonic small folklore. When necessary, the author employed non-Slavic sources to expand the areal zone of Rusin ornithological paremiology. Ornithological proverbs make an active group of paremiological animalisms. According to the previous studies, some of these Rusin lexemes (eg. *potya*) go back to the Proto-Slavic era, demonstrating the value of the Rusin language material for common Slavic reconstructions. The analyzed material shows structural-semantic and figurative diversity: 1. Sayings (resp. phraseological units): *Zbyv by pila khizhi kuri pytati*; *zdokhla tota kurochka, shto dvi yaytsya nesla*; *kuryacha pamnyat'*; *kur'om na smikh*; *kuryachoy oko*. 2. Stable comparisons: *goloden, gi melnikova kurka*; *kuritsmat'sya gi kvöchka na yayts'okh*; *rozsilasya gi kvöchka*; *pisati gi kuritsya laböv*; *takiy gi mokra kuritsya*; *trafilosya gi slipy'v kuritsi zirnya*; *upalo mu gi slipy'v kuritsi zirnya*. 3. Proverbs: *Iz kur'mi ligay, a z kogutami vstavay*; *Ligay spati iz kur'mi, a vstavay z kogutom*; *I slipy'v kuritsi zirnya sya trafit'*; *Komu sval'ba, a kuritsi smirt'*; *Komu shto, a kuritsi zirnya*; *Kotra kuritsya mnogo kodkodache, tota sya malo nesche*; *Kuri na sidalo, baba na lezhalo*; *Kuritsya grebe, oby dashto ugrebla*; *Kuritsya dumala ta y zdokhla*; *Kurya kvöchtsi ne rozkazue*; *Yaytse kuritsyu učit'*. 4. Miscellaneous: *Prisyad'te damalo, oby sya u nas kuri nesli*; *Khodi na pal'ts'okh, kid' khöchesh imiti kuritsyu na yayts'okh*; also the figurative Rusin name of the Pleiades, the Seven Stars – 'Kurichky'. Rusin proverbs with ornithonymic components reflect the organic unity of the spiritual, mental, and bodily characteristics of people and the various situations in which they find themselves. These proverbs also reflect such aspects as emotional and mental characteristics, physical and speech activity, intellectual properties, physiological state, etc. The presented facts convincingly prove the significance of such a characteristic by linguistic means. Reflecting the conceptual universality of ornithonyms, they demonstrate both specific interlingual and cultural ties with the paremiology of other peoples, and their national specificity, formed in a particular territory in a particular historical period. As compared with similar Ukrainian, Belarussian, and Russian, as well as Polish, Slovak, and Czech proverbs against a broad pan-European background, the specificity of Rusin proverbs and sayings manifests mainly in their form, not in their content. The didactic meaning of Slavic (including Rusin) paremiology remains mainly international. Thus, the Rusin language and its culture, including paroemias, demonstrate the ancient and inseparable unity of Slavic and non-Slavic Europe, constantly enriching each other with their interpenetration.

Key words: Rusin language, paremiology, phraseology, proverb, saying, comparative paremiology.

Введение

Русинская фразеология и паремиология в последнее время стала объектом пристального изучения, поскольку именно она объективно отражает как национальную специфику, так и многоаспектное взаимодействие русинского народа с другими славянскими этнокультурами. Системный сопоставительный анализ показывает целесообразность и эффективность рассмотрения компактных тематических блоков пословиц и поговорок, образуемых на основе конкретной образной доминанты.

Особой фразеологической активностью отличаются так называемые натуральные (термин Ст. Скорупки [31]) фразеологизмы и паремии, т. е. пословицы и поговорки, образованные соматическими и анималистическими компонентами. Орнитологические пословицы и поговорки – одна из таких активных групп паремиологических анимализмов. Как показывают предыдущие исследования, некоторые из таких русинских лексем (например, *потя*) уходят в праславянскую эпоху, демонстрируя ценность русинского языкового материала для общеславянских реконструкций [12].

В статье значимость такого лингвистического выбора иллюстрируется на материале одной из численно представленных подгрупп орнитонимов, образованных на основе лексики *куриця*, *курка*. По данным общих и специальных фразеологических словарей русинского языка [5; 16; 17], число таких пословиц и поговорок – 25 единиц. При этом они относительно равномерно распределяются по традиционным жанрам малого русинского фольклора, т. е. поговоркам, устойчивым народным сравнениям и пословицам.

Материал исследования

Учитывая структурно-сематическую специфику каждого из названных типов паремий, выделим их из собранного материала:

1. Поговорки (resp. фразеологизмы): *Збыв бы пила хижі кури пыта-ти; здохла тота курочка, што дві яйця несла; куряча памнять; курьом на сміх; курячої око.*

2. Устойчивые сравнения: *голоден, ги мелникова курка; курицмать-ся ги квѣчка на яйцѣох; розсілася ги квѣчка; писати ги куриця лабѣв; такий ги мокра куриця; трафилося ги сліпѣв курици зирня; упало му ги сліпѣв курици зирня.*

3. Пословицы: *Из курьми лігай, а з когутами вставай; Лігай спати из курьми, а вставай з когутом; И сліпѣв курици зирня ся трафить; Кому свальба, а курици смирть; Кому што, а курици зирня; Котра куриця много кодкодаче, тота ся мало несче; Кури на сідало, баба на*

лежало; Куриця гребе, обы дашто угребла; Куриця думала та й здохла; Куря квѣцці не розказує; Яйце курицю учить.

4. Разное. В такую группу паремий можно отнести и словосочетания, которые, строго говоря, не относятся к выделенным трем разрядам. Таковы, например, пожелания, основанные на поверьях, которые якобы могут повысить яйценоскость кур: *Присядьте дамало, обы ся у нас кури несли; Ходи на пальцох, кідь хѣчеш имити курицю на яйцох*. Ср. также образное русинское название Плеяд, Семизвездия – *Куричкы*.

Представим лингвистическую характеристику каждой из выделенных групп русинских пословиц и поговорок, предложив их анализ в сопоставлении с другими славянскими и неславянскими паремиями. При этом будет очерчен их ареал, определена их семантика и структура и предложена историко-этимологическая и лингвокультурологическая характеристика каждой такой языковой единицы.

1. Поговорки (resp. фразеологизмы).

В словаре Д. Попа [17] они последовательно сопровождаются украинскими и русскими эквивалентами, что облегчает их семантическую характеристику и частично проясняет их внутреннюю форму:

Збыв бы пила хижі кури пытати – наче опдало городнє – как чучело гороховое (букв. остался бы возле хаты, чулана, хлева кур щупать).

Здохла тота курочка, што дві яйця несла – здохла курочка, що золоті яйця несла – подохла курочка, что золотые яйца несла.

Курьом на сміх – курам на сміх – курам на смех.

Куряча памнять – ледача пам'ять – куриная пам'ять.

В русинско-русском общем словаре И. Керча зафиксировано лишь одно устойчивое словосочетание с производным от корня *кур-*: *Курячой око* – твердая мозоль [5: 458].

Рассмотрим названные русинские паремии на общеславянском, а некоторые – на общеевропейском фоне.

Поговорка *збыв бы пила хижі кури пытати* [17: 130], судя по украинскому и русскому эквивалентам (укр. *наче опдало городнє* – рус. *как чучело гороховое*), имеет пейоративное значение 'о нелепо, безвкусно одетом человеке; о человеке, служащем посмешищем'. Но если последние восходят к обычаю ставить в горох, чтобы отпугивать птиц, пугало или чучело [1: 761], то образ русинского оборота оригинален – букв. остался бы возле хаты (чулана, хлева) кур щупать. И не случайно поэтому на славянском языковом пространстве он не находит параллелей и остается национально маркированным.

Иное дело – словосочетание *куряча памнять*, соответствующее рус. *куриная память* [17: 157]. Хотя Д. Поп сопровождает его описательным украинским эквивалентом *ледача пам'ять*, оно имеется и

в украинской фразеологии – *куряча пам'ять* [14: 96], а в народной речи фиксируется и в варианте *куряча голова* [4: 264; 18]. Известно оно и белорусскому языку: бел. *курыная памяць* [2: 605]. В соседнем польском подобные выражения зафиксированы довольно поздно (с 1888 г.): *kurcza pamięć*; *ta kurza pamięć*; *ta pamięć jak kura* [28, 2: 779], что, возможно, свидетельствует о заимствовании из восточнославянского (в том числе и русинского) ареала. Неслучайно их не отмечают чешские и словацкие словари, зато в русских народных говорах записано и выражение *куриная память*¹ (СПП 2001, 59; ПОС 25, 73), в воронежских, курских и сибирских – орнитологический вариант *воробьиная память* (СРНГ 5, 106; 25, 189), а русских говорах Карелии – *кукушкина память* (СРГК 4, 388). Такие факты свидетельствуют об исконности сочетания *куриная память* в восточнославянской фразеологии.

В словаре И. Керча зафиксировано полуфразеологическое-полутерминологическое словосочетание *курячий око* ‘твердая мозоль (обычно на ноге)’ [5: 458]. Это – след словацкого и чешского влияния на русинскую фразеологию – ср. чеш. *kuří oko*, которое, в свою очередь, является калькой с нем. *Hühnerauge*. Ср. также словен. *kurje oko* [29: 206]. О том, что это калька именно с немецкого языка, свидетельствуют и пословицы и поговорки, в которые этот оборот входит в различных диалектах Германии: *Besser mit Hühneraugen auf dem Stein, als hinken mit hölzernem Bein*; *Wer Hühneraugen an den Füßen hat, ist leicht einzuholen*; *Einem auf seine (bösen) Hühneraugen treten*; *Einem die Hühneraugen operieren*; *Er hat Hühneraugen am Hintern* [33, 2: 810]; *Die Hühneraugen sind ihm zu Kopfe gestiegen* [33, 5: 1452].

Выражение *курьом на сміх* Д. Поп [17: 156] сопровождается эквивалентными тождествами – укр. *курам на сміх* и рус. *курам на смех*. Действительно, оно давно известно в восточнославянских языках, неодобрительно характеризуя нечто несуразное, крайне абсурдное, смехотворное до нелепости.

Укр. *курам на сміх* употребляется и в варианте *курам на сміх*, *курці на сміх* [18, 4: 263]. Бел. *курам на смех* возникло, по мнению И.Я. Лепешева, по модели *людзям на смех*, отраженной, в частности, в поговорке *Паспех людзям на смех* [8: 206]. И рус. *курам на смех*, и его восточнославянские параллели объясняются каламбурным характером фразеологизма: даже *курам* с их «куриными мозгами», не умеющим смеяться, будет смешно, настолько что-либо нелепо [1: 366–367]. Об исконности оборота свидетельствуют данные народной речи: *Наспех – курам на смех* (Сок., 70); твер. *Не строй наспех – построишь курам на смех* (ТПП 1993, 23); горьк. *куры будут смеяться* ‘о чем-л. крайне нелепом, бессмысленном’ (СРНГ 39, 15). По той же

модели образованы перм. *утки захохочут 'о чем-л. очень смешном'* (СРНГ 48, 172) и пск. *воробьи будут смеяться 'о чем-л. глупом поступке'* (СПП 2001, 23).

В русском литературном языке выражение известно с XVIII в.: «Едакой женитьбѣ и куры смѣяться стануть» (А.П. Сумароков, пьеса «Опекун», 1765 – ср. [15: 152]). Глагольная форма первых фиксаций оборота и полное тождество образа и семантики не исключает предположения, что оно – калька с нем. *da lachen ja die Hühner*. Однако немецкие справочники подчеркивают, что фразеологизмы *Da (darüber) lachen ja alle Hühner (die ältesten Hühner, Suppenhühner)* возникли лишь «в новейшее время» [30, 3: 752]. Показательно, что и пол. *kura by się z tego śmiała; kurom na śmiech prawo wydane* впервые фиксируется лишь 1928 г. [28, 2: 254]. Такие факты подтверждают исконное происхождение восточнославянских фразеологизмов, в том числе и русинского.

Поговорку **Здохла тота курочка, што дві яйця несла** Д. Поп [17: 131] сопровождает эквивалентами, имеющими в своем составе вместо нумератива *два* прил. *золотой*: укр. *здохла курочка, що золоті яйця несла* и рус. *подохла курочка, что золотые яйца несла*.

Поговорка давно известна лишь в украинских говорах Закарпатья: *Здохла тота куриця, що по два яйця несла; Вже нема тої курочки, що дві яєчка несла на день; Нема тої курки, щоб по два яєчка несла* [18, 1: 178]. Второй же, более широкий по ареалу вариант также зафиксирован разными источниками: *Вмерла та курочка, що несла татарам золоті яйця; Нема тієї курочки, щоб несла золоті яєчка; Не стало тієї курочки, що несла золоті яєчка* [18, 1: 181]. Этот второй вариант давно уже включен и в русские паремиологические собрания: *Умерла та курица, коя несла золотые яйца* (Богд. 1741, 90; ДП 1, 237); *Умерла та курица, которая похоронила золотые яйца* (Сок., 531). Не случайно как рус. *Умерла та курица, которая несла золотые яйца* переводит буквально на чешский язык Фр. Лад. Челаковский: *Umřela ta slepička, co nesla zlatá vajíčka* [24: 64].

Этот вариант поговорки известен уже давно (с 1580 г.) и в польском языке; *Zdechła kurka, co złote jajka niosta* [28, 2: 39]; *Już ta kurka zdechła, co złote jajka niosta. Umarła już kokosz, która złote jajca niosta* [28, 1: 818–819]. По мнению Ю. Кржижановского, он представляет собой «uprzystowiony zwrot bajkowy», т. е. басенный сюжет, обретший статус поговорки [28, 1: 819]. Этот сюжет издревле бытовал в фольклорных источниках и получил известность благодаря короткой басне Эзопа [27, 1: 299–300].

Мотив курицы, несущей золотые яйца, давно известен в европейской паремиологии – ср. нем. *Das Huhn, das goldene Eier legt, schlachten*. [30, 3: 753]; *Hühner, die goldene Eier legen, muss man wohl bewahren*

[33, 2: 802]; *Nicht alle Hühner legen goldene Eier* [33, 5: 1451]. Однако, как видим, такие пословицы не совпадают с представленными выше славянскими вариантами. Можно найти и европейские «сюжеты» об умерщвляемой курице с целью добычи яиц: нем. *Die Henne töten, um ein Ei zu gewinnen*; фр. (устар.) *tuer la poule pour avoir l'œuf* [30, 2: 699] и под. Но легко увидеть, что они не полностью адекватны ни русинской поговорке *Здохла тота курочка, што дві яйця несла*, ни её русским, украинским и польским эквивалентам, где мертвой оказывается курица, несущая золотые яйца. Оригинальную же поговорку о курице, несущей по два яйца, можно считать собственно русинской.

2. Устойчивые сравнения.

Ареальная картина русинских компаративных фразеологизмов во многом сходна с региональными проекциями описанных выше поговорок.

Сравнение *журиться ги куриця* можно считать национально специфическим, ибо за пределы русинского ареала оно не выходит. Эквиваленты укр. *непокоїться наче куриця, коли сокориться* и рус. *беспокоится, как курица, когда кокачет*, которые приводит Д. Поп [17: 124], ни в одном из восточнославянских источниках нами не обнаружены. Скорее, это описательные сочетания, сконструированные самим автором русинского словаря.

Сравнение *голоден, ги мельникова курка* Д. Поп [17: 108] эквивалентизирует укр. *голодний, мов мельникова куриця* и рус. *голоден, как мельника курица*. Однако в русском языке оно отсутствует: скорее всего, это, как нередко бывает, – буквальный перевод с русинского в словаре Д. Попа. Представление о ненасытности кур, конечно, встречается и в русском малом фольклоре, но без аллюзии к мельнику. Ср. народн. ирон. *Как беззобая курица: всё голоден; как беззобая курица: сколько ни жрёт, а всегда голодна* 'о постоянно голодном, ненасытном человеке', где *беззобый* – «без зоба», т.е. характерной для зерноядных птиц части пищевого горла, в которой пища разбухает до поступления в желудок. Беззобые птицы отличаются ненасытностью (ДП, 675). Ср. *пить как беззобая утка*.

В украинском же языке сравнение с курицей мельника активно представлено. М.М. Пазяк помещает оборот *голодний, як мельникова курка* и его варианты в раздел «Голодний» наряду с другими сравнениями, характеризующими очень голодного человека: *голодний, як млинська курка; такий голодний, як мельникова курка; такий ти голодний, як млинарьова куриця; голоден, як мельникова курка на копій; голодний, як мельникова курка; голодний, як курка в млині* [18, 4: 53]. Однако, как показывает сопоставление с другими языками и

анализ исходного образа (см. ниже), семантика этого компаративно-го оборота иронична – *ad adversum*, т. е. 'абсолютно не голоден'. Об этом свидетельствует и диалектное (подольск.) сравнение жити, як мельникова курка 'жить богато, зажиточно' [6: 182]. Правда, возможно и диалектическое толкование, снимающее это кажущееся противоречие. Известно, что куры ненасытны и готовы постоянно склевывать попадающуюся им пищу – ср. русский оборот куры не клюют, характеризующий неисчислимое количество денег, и его украинские соответствия грошей кури не клюють; і кури не клюють; кури не клюють; там грошей і кури не клюють; у нас грошей і кури не клюють и под. [4: 236; 18, 3: 109, 113]. В этом смысле русинское сравнение и его славянские параллели можно понимать и как «ненасытен, как курица».

Отсутствуя в русском языке, сравнение о мельничной курице уже давно (с 1570 г.) зафиксировано в чешском языке: *má hlad, co mlynářova slepice*; *mře hlady jako mlynářova slepice*; *lačen co mlynářova slepice*. Известно оно в словацком: *má bídu jak mlynárova slípka*; *mlynárovn sliepku neponúkaj zrnom* [25, 2: 258–259]. Описывая эти паремии, В. Флайшганс предполагает, что чешское выражение заимствовано из нем. *Von Müllers Henn' und Witwers Magd wird selten Hungersnoth geklagt* (букв.: И курица мельника, и горничная вдовца редко жалуются на голод). К.Ф.В. Вандер так комментирует эту поговорку: «И у той и у другой достаточно возможностей, чтобы позаботиться о себе: курица мельника находит зерно повсюду, а горничная вдовца свободна от строгого надзора домохозяйки» [33, 3: 762]. Калькой с немецкого является и словацк. *lačnú ako mlynárova sliepka*, которое О.Е. Ермачкова считает национально маркированным и оригинальным по образу [4: 327].

Отсутствие этого сравнения в русском, белорусском и польском языках позволяет предположить, что оно – чешский и словацкий языковой след в русинской паремиологии, оправданный историко-культурологическими обстоятельствами.

Сравнение **писати ги куриця лаббв** Д. Поп [17: 191] объективно сопоставляет с укр. *писати наче курка лапою* и рус. *писать как курица лапой*. И действительно, этот оборот, иронически характеризующий чей-либо неразборчивый почерк, неаккуратное письмо, известен во всех восточнославянских языках в разных вариантах, что свидетельствует о его исконности: бел. *награзмоліць як курыца лапаю*, укр. *написав, мов курка лапою* [6: 182; 13: 286]; *написати як курка (сорока) лапою (лапкою)*. Особо интенсивно он варьируется в русской диалектной речи: воронеж. *писа́ть как ку́ра* (СРНГ 16, 107); курск. *дряпать/надряпать как курица лапой* (где *дряпать* 'писать небрежно, пачкать' (СРНГ 18, 250); у кого почерк как у курицы; разг., волгогр., орл. *писать как курица лапой*; морд. *накарябат* как курица по кирпичам

исходила (СРГМ 4, 85); как сорока бродила (набродила) и под. Образ сравнения понятен: когда курица топчется на одном месте в поисках корма или у кормушки с кормом, то разобрать её отдельные следы практически невозможно. Типологически этот образ запечатлен и в некоторых языках – например, лат. *gallina scripsit* (букв. курица написала) встречается в комедии Плавта [20: 65]. В других языках это ироническое значение выражается иными образами – например, болг. *пиша с краката си* (букв. пишет ногой; чеш. *drápat (škrábat) jako kocoúr* (букв. царапать как кот); фр. *pattes de mouche* ‘каракули’ (букв. лапки мухи); болг. *пиша с краката си*; нем. *die schrecklohe Pfote* (букв. ужасная лапка); *eine fürchterliche Klaue haben* (букв. иметь ужасный коготь); *eine Sauklaue haben* (иметь свиной коготь) и т. п. Такие параллели показывают, что русинское сравнение является частью восточнославянского фразеологического ареала.

Триада **такий ги мокра куриця** – укр. *тютя з полив'яним носом* – рус. *мокрая курица*, выстроенная Д. Попом [17: 213], не совсем полна. Ведь как в украинском, так и в русском языках есть аналогичные сравнения и их варианты: укр. *виглядає, як мокра курка* [18, 4: 90]; *вертиться, як мокра курка* [18, 4: 155]; *ходить, як мокра курка* [18, 4: 196]; *мокра курка* [18, 4: 254]; *мокрий, як курка* [6: 182]; рус. как *мокрая курица*; как *курица мокрая* ‘о жалком, дрожащем, подавленном, удручённом и грустном человеке’, ‘о вялом, пассивном, инертном и беспомощном человеке’ (ДП, 252); волгоград., орл. ‘о неумелом, неловком, нерасторопном человеке’; перм. ‘о неопрятной, некрасивой женщине’; морд. ‘о небрежно, неряшливо одетой женщине’ (СРГМ 3, 105); брян. *намо-читься как курица мокрая*; ирк. *промокнуть как курица* ‘о промокшем, сильно вымокшем человеке’; смол. *раскапуститься как мокрая курица* ‘о расплакавшемся человеке’ (ССГ 9, 101); новг. *схухриться как курица мокра* ‘о съёжившемся, нахохлившемся (от мороза, недовольства и т. п.) человеке’ (где *схухриться* ‘съёжиться, нахохлиться’ (НОС 11, 13; СРНГ 43, 79) и др.

В словарях можно найти и такие славянские параллели, как бел. *мокрая курыца, як (што) мокрая курыца*, словцк. *ako zmoknutá kura*, чеш. *jako zmoklá slepice (slípka)*; *jako zmoklé kuře*; болг. *мокра кокошка* (мишка); х/с *kao pokisla kokoš* и др. Однако они, вероятно, позднейшего происхождения. Это подчеркивает автор древнечешского паремиологического тезауруса В. Флайшганс, замечая по поводу чеш. (*sedí, chodí*) *jako zmoklá slepice*, что это новочешское выражение («za to obyčejně novočeské» [25, 1: 481]. Исконно чешским он называет сравнение *sedí (nadrchaný), co umoklá káně*; *chodí jako mokrá káně*, зафиксированное с 1503 г. [25, 1: 481], где промокнувшей птицей является сарыч-канюк.

Прямое значение нашего сравнительного оборота прозрачно: вид курицы, попавшей под дождь, жалок и непригляден. Презрительное уподобление вида мокрой курицы внешности, а затем и способностям, качествам человека и создает экспрессию выражения. Она сохранена и в русинском сравнении.

В двух русинских сравнениях подчёркивается такая физическая особенность курицы, как слепота. Отсюда и шутливо-ироническая ситуация «везения», когда, несмотря на слепоту, ей попадает зерно: **Трафилося ги сліпѣв курици зирня** – укр. *буває, що й сліпа куриця зернину знайде* – рус. *бывает, и слепая курица просо найдет*; **Упало му ги сліпѣв курици зирня** – укр. *йому перепало, як сліпій курці просо* – рус. *досталось ему, как слепой курице зернышко* [17: 220, 223]. Слепота курицы запечатлена и в известном шутливо-ироническом фразеологизме *слепая курица*, характеризующем плохо видящего, подслеповатого человека. Не случайно и болезнь слепящего от малокровия после захода солнца человека называют *куриной слепотой*: курица после захода солнца слепнет и становится беспомощной (Зимин, Спирин 1996, 320). Ср. укр. *Ах ти, куряча сліпото!* [13: 164; 18, 3: 327]. Подобные обороты известны во многих языках, например: пол. *kurza ślepota*; *kurzej ślepoty dostał* ‘не видит явных фактов, вещей’ [28, 2: 255]; нем. *ein blindes Huhn* и др. В диалектной речи можно найти немало сравнений, характеризующих близорукого, плохо видящего человека – ср. рус. разг. (*подслеповатый*) *как слепая курица*; иркут. *слепой как курица*. При этом в некоторых славянских языках можно встретиться с парадоксом, так, чешское название курицы – *slepice*, буквально расшифровывается как ‘слепая птица’, но сравнение с ней отсутствует: рус. *слепая курица* передается эквивалентами *slepý jako patrona* (букв. как патрон), *slepý jako krtek* (букв. как крот), *slepý jako kotě* (букв. как котенок) [32: 355]. Вместе с тем говорить о чёткой ареальной очерченности сравнения «слепой как курица» нельзя, поскольку сюжет о слепой курице, как увидим далее при анализе пословицы *И сліпѣв курици зирня ся трафить*, имеет широкое общеевропейское распространение.

3. Пословицы.

Две русинские пословицы, а точнее вариант одной, выражают народную мудрость о необходимости пробуждения с восходом солнца и своевременного ночного отдыха с его заходом: **Из курьми лігай, а з когутами вставай** – *Лягай разом з курми, а вставай з когутами* – *С курами ложись, а вставай с петухами* [17: 135–136]; **Лігай спати из курьми, а вставай з когутом** – *Спати лягай з курами, а вставай з когутами* – *Спать ложись с курами, а вставай с петухами* [17: 159].

Курица и петух издревле были главными естественными темпоральными ориентирами деревенской жизни [11: 21–26]. И поэтому параллели к русинским пословицам нетрудно найти как в родственных славянских, так и в неродственных языках. Вот некоторые из них: укр. *З курми спати лягай і з курми вставай* [18, 1: 179]; бел. *З курамі лажысь, з петухамі ўставай* [3, 2: 456]; чеш. *chodit spát se slepicemi* [32: 220], с./х. *liegati js kokošima*; словен. *hodil je s kokošmi spat* [29: 498]; нем. *Wer mit den Hühnern zu Bette geht, kann mit dem Hahn aufstehen; Mit den Hühnern zu Bett gehen*; фр. *aller se coucher comme les poules* [30, 3: 752] и др.

К разряду пословиц относится и паремия о слепой курице, которая, как мы видели, имеет форму компаративных оборотов **Трафилося ги сліпѣв курици зирня** и **Упало му ги сліпѣв курици зирня**, описанных выше. Любопытно и, как увидим, неоправданно, что эта пословица, в отличие от соответствующих сравнений, Д. Попом считается безэквивалентной, ибо приводимая им и украинская, и русская параллель имеют совершенно иную образность и структуру: **И сліпѣв курици зирня ся трафить** [17: 138] – укр. *чого на світі не буває* – рус. *некошный пошутит* – *чего не нашутит*. Однако в восточнославянском языковом пространстве она активно зафиксирована и обогащена многочисленными вариантами.

В украинских говорах вариантность этой пословицы особенно разнообразна: *І сліпа курка на зерно трафить; І сліпа курка деколи найде зерна; І сліпа курка знайде іноді зерно; І сліпа куриця зерно знайде* [18, 1: 179]; *Сліпій курці добре й зеренце; Сліпій курці усе пшениця* [18, 1: 181]; *Лучилося сліпій курці зерно, та й то порожнє; Раз трапилося сліпій курці зерно, та й то порожнє; Раз трапилося сліпій курці зерно, та й тим удавилася; Стучилося сліпій курці зерно, та й те порожнє; Трапилося сліпій курці зерно, та й те порожнє; Трапилося сліпій курці пшеничне зерно; Трапилося сліпій курці бобове зерно і тим ся удавила; Трапилося раз на віку бобове зерно курці і тим удавилася; Трапилося, як сліпій курці бобове зерно і тим ся удавила* [18, 1: 180].

Белорусские источники фиксируют значительно меньшее число вариантов этой пословицы: *Трапіцца і сляпой курцы зернятка знайці; Давядзецца сляпой курцы зярнятка найці* [3, 1: 195]; *Здарылася сляпой курыцы зярня знайсці, і то ўсе ведаюць* [3, 2: 392].

В русском языке известен лишь один вариант этой пословицы, аналогичный укр. *Сліпій курці усе пшениця* – *Слепой курице всё пшеница* (Богд. 1741, 111; ДП 1, 334; СПП 2001, 133).

В польском языке пословица зафиксирована уже с 1618 г. и представлена активной вариантностью: *Trafiło się jak ślepej kurze ziarno; І ślepej kokoszy ziarno się nadarzy; Zdarzyło mu się, jak ślepej kurze ziarno;*

Zdarzyło się ślepej kurze ziarno; Ślepej kwoczce ziarno się czasem udarzy; Podarzyło się mu, jak ślepej kurce zorko; Wydarzyło się, jako ślepej kurce zorko; Udało mu się, jak ślepy kurze ziorko и др. [28, 2: 256–257].

Известна пословица и в других славянских языках – например: чеш. *I slepá slepice někdy na zrnko trefí* [24: 265]; с./х. *I čorava koka zrno nađe*; словен. *Tudi slepa kokoš zrno najde* [29: 478] и др.

Показательно при этом, что чешскую пословицу Фр. Лад. Челаковский прямо сопоставляет не только с «галицкой» *I slepa kurka najde daколи зерня*, но и (в подстрочном примечании) с дат. *Ein blin Höne finder ogfaa et Korn* и нем. *Eine blinde Henne kann auch ein Korn finden* [24: 265]. Тем самым славянские паремии квалифицируются как кальки с германских языков. И действительно, нем. *blindt Hun findt auch wol ein Korn (ein Erbeis)* К.В. Вандер фиксирует с XVI в. в разных регионах Германии с его вариантами: нем. *Auch ein blindes Huhn findet wohl ein Körnlein; Da hat auch ein blind Huhn eine Erbse gefunden; Ein blindes Huhn findet bisweilen ein gutes Körnlein in einem grossen Haufen Sandes* и др. [33, 2: 801, 802, 807].

По-видимому, пословицу можно отнести к общеевропейскому паремиологическому наследию, ибо она представлена во многих языках: ит. *Talvolta anche una gallina cieca trova un Granello*; лат. *Invenit interdum caeca columba pisum*; фр. *Une poule aveugle peut quelquefois trouver son grain*; англ. *A blind man may perchance hit the mark*; греч. *Ὄσπερ μὲν καὶ λέγεται, ἀν πολλὰ βάλλης, ἄλλοτ' ἄλλοῖον βάλεις*. При чем последняя освящена авторитетом Аристотеля [22: 286–287].

Пословица **Кому свальба, а курици смерть** Д. Поп [17: 151] имеет точный украинский аналог *Кому весілля, а курці смерть* и русскую паремиологическую безобразную параллель *Кому счастье, а кому ненастье*.

В украинском языке, действительно, эта пословица издавна зафиксирована повсеместно и в большом количестве вариантов: *Кому весілля, а курці смерть; Кому свадьба, а курці смерть; Весілля – курям смерть; Кури на весілля не хочуть, та силою несуть; Кури на весілля не хочуть, а їх силою несуть; Не рада курка на весілля, та силують; Не хоче курка на вечорниці, та несуть; Не хочуть кури на весілля, та їх несуть; Не хоче курка на весілля, так понесуть* [18, 1: 180]. И. Франко, показавший несколько таких вариантов из Галиции, предлагает и лингвокультурологический комментарий: «Бо на весілля переважно ріжуть курей, мб. відгомін давнього поганьського культу, де курка була ритуальною жертвою при шлюбі» [21, 1: 218]. Действительно, в свадебной обрядности славян актуализируется брачно-эротическая символика курицы, и именно с курицы начинается и завершается свадьба [19, 3: 62].

В белорусском малом фольклоре отразился один из таких вариантов пословицы: *Не рада каза торгу, а куры – вяселлю* [3, 2: 34].

Русские же пословицы отличаются вариантным многообразием: *Рада бы курочка на свадьбу не шла, да за крыло волокут* (Паус нач. XVIII в., 46); *Рада б курочка в пир не иди, да за хохол тащат* (Ан. 1988, 270); *Рада бы курочка в пир не иди, да повар тащит* (Сок., 244); *Рада бы курочка в пир не шла, да за хохол тащат; И курочку на пир зовут (тащат)* (ДП 2, 236); *И не рада б курочка на пир, да за хохол (за хохолок, за крылышко) тащат* (ДП 2, 236); *И курицу зовут на пир – для закуски* (Сок., 237); *Курице и на поминках, и на свадьбе горе* (Спир. 1985, 48; ППЗК 2000, 46); *Курице и на свадьбе и на поминках – горе* (Сок., 238).

Польские пословицы со «свадебным» сюжетом зафиксированы уже с 1618 г.: *Nierady kury na wesele, ale muszq; Nie chciało się kurze na wesele, ale musiała; Komu wesele, a kurze śmierć*. При этом и составители польского паремиологического тезауруса подчёркивают, что «*Kury były zwyczajowym jadłem weselnym na wsi*» [28, 2: 256]. Фр.Лад. Челаковский сопоставляет пол. *Nie rada koza na targ, ale musi* с укр. *Не хоче коза на торг, та ведуть* и приводит чеш. *Nerady slepice na svatbu, ale musí; Nerada by koza kozka na trh, ale musí*, сопоставляя их с рус. *Рада бы курочка в пир не шла, да за хохол тащат*, укр. (малорос.) *Не хочуть куры на весілле, та їх несуть* и отдельно выделяя галицьк. (соответственно, русинское) *Не рада коза торгу а куры весилю, та мусять* [24: 341].

К русинской пословице **Кому што, а курици зирня** Д. Поп [17: 152] приводит близкие по образности украинские и русские паремии *Голодній курці все просо на думці* и *Голодной курице просо снится*. Украинские пословицы, тем не менее, известны как в варианте со словом *просо*, так и со словом *зерно*: *Голодній курці просо сниться; Голодній курці все зерно сниться; Голодній курці зерно на думці; Голодній курці просо на думці; Голодній курці все просо на думці* [18, 1: 179].

В белорусском языке находим точное структурное соответствие русинской пословицы, но с компонентом *просо*: *Каму што, а курыцы проса* [3, 1: 195]. В то же время здесь встречаются и варианты не только с компонентом *зернятка*, но и *пшеница*: *Галоднай курцы зярнятка на думцы; Сляпой курыцы ўсё пшаніца* [3, 1: 220].

Русская паремиология здесь также представлена обоими «зерновыми» компонентами: вологод., твер. *Кому что, а курица – про просо* (Сок., 192; ТПП 1993, 29); кубан., с.-рус. *Голодной курице [всё] просо снится* (ДП 1, 183; Рыбн. 1961, 136; ППЗК 2000, 52; Сок., 148); волог. *Голодной курице просо мнится* (Яцкевич 2017, 33); *Голодной курице всегда зёрна снятся* (Раз. 1957, 174); *Голодной курице зерно снится* (Сок., 148). Характерно, что в кубанских говорах пословица

зафіксована в українізованій формі: *Голодний курци просо снится* (ППЗК 2000, 52).

Относно поздно (1850 г.) зафіксована эта пословица в польском языке: *Śni siê kurze proso; Śni siê ślepiej kurze proso (ziarnko)* [28, 2: 256].

Пословица **Котра куриця много кодкодаче, тота ся мало несче** признается имплицитно безэквивалентной, ибо Д. Поп [17: 154] предлагает к ней паремиологические аналоги с иной образностью: укр. *Язиком сяк і так, а ділом ніяк* – рус. *Много звону – мало толку*.

Ближние по смыслу и образности пословицы известны из белорусского и польского малого фольклора: бел.: *Не кажна курка нясецца, што сакоча* [3, 1: 195]; *Курачка сакочыць, яечка хочыць* [3, 1: 346]; Украинские же и русские пословицы со сходной образностью имеют несколько иное смысловое наполнение: рус. (пск., ленингр.) *Курица ещё не снеслась, а уже кудахчет* (Соловьева 2001, 81); *Не там курица кудахчет, где яйцо снесла* (Спир. 1985, 75); *Не там курица яйцо снесла, где кудахчет* (ДП 2, 138); *Не всегда там курочка кудахчет, где яйцо снесла* (Жиг. 1969, 57); *Не там курочка яйцо снесла, где кудахчет* (Раз. 1957, 85).

Пожалуй, здесь русинская пословица обнаруживает приверженность к западнославянскому ареалу. Так, польская паремия, зафиксированная с 1614 г. в разных вариантах, точно соответствует русинской: *Kokosz, co mniej pożytku daje, taka najbardziej, a Bóg wie, gdzie jaje*; *Kura, co dużo gdacze, zwykle mało nisie jajec* [28, 2: 255]. Столь же тождественно ее соответствие чешской пословице *Která slípka mnoho kdáče, ta málo vajec nese*, которую помещает в свое паремиологическое собрание Фр.Лад. Челаковский, сопоставляя его с серб. *Коя кокошь много какоће, мало яя носи* [24: 102]. В современном словаре чешских пословиц приводится и вариант *Kvokající slepice vejce nesnáší* [23: 93]. Ср. *Která slepice ne nese a kdáče a která žena na svého muže kváče* [25, 2: 887].

В подстрочной ссылке к указанной выше чешской пословице Фр.Лад. Челаковский приводит и ряд неславянских европейских параллелей: лат. *Multum clamoris, parum lanae*; итал. *Gran gridore e poca lana*; англ. *Great cry and little wool* и нем. *Viel Geschrei und wenig Wolle* [25, 2: 887]. К ним можно присовокупить и итал. *Assai rumore e poca lana*; исп. *Más es el ruido que las nueces*; фр. *Grand bruit, petite toison* и др. [22: 603]. Легко увидеть, однако, что образность этих эквивалентов иная, чем в русинском, польском и чешском языках. Более того, даже немецкая пословица *Viel Geschrei, wenig Ei, Viel Geschrei und doch kein Ei* [33, 1: 1601; 5: 1338], которая, на первый взгляд, адекватна славянским (букв. Много крика, но мало

яиц), связана с ней все-таки скорее типологически, чем генетически.

Русинскую пословицу **Кури на сідало, баба на лежало**, видимо, можно назвать собственно русинской. Во-первых, ее украинский аналог *Кури на сідало, баба на лежало* в словаре Д. Попа [17: 156] не отражен украинскими паремиологическими источниками, а известен в варианте укр.: *Кури на сідало, а він на лігало*, зафиксированном именно в Закарпатье [18, 2: 455]. Ср. *Ауш кури на сідало, бо завтра Великдень! – Щоб не було з вами клопоту* [21, 2: 437]. Во-вторых, русская поговорка *Куры на насест, баба на лежанку*, приведенная Д. Попом, в русском малом фольклоре отсутствует. Близкие же по образности поговорки здесь имеют иную структуру и компонентный состав – ср. помор. *Кура – на седало, я – на беседу* (Мерк. 1997, 45), где *беседа* (*бесѣда*) 'дневное собрание молодежи в доме для увеселения или для работы', а *седало* 'насест'. Ср. также урал. *Солнышко на место, курочки на седало (седло), добра жѣнка – за пряслицу* (Ан. 1988, 291).

Аналогична ситуация и с другими славянскими параллелями, которые не обнаруживают полного совпадения с русинской пословицей при близости орнитологического образа – например, чеш. *Dadie kuřeti sedadlo, ano se samo domysli* и пол. *Dano kurowi grzędê a on jeszcze wieże chce* [25, 2: 706]. Ср. также пол. *Daj kurze grzędê, ona powie: wyżej siedê* [28, 2: 253–253].

Русинская пословица **Куриця гребе, обы дашто угребла** сопрягается Д. Попом [17: 156] с украинским и русским эквивалентами *Курка гребе, щоб зернятко знайти* и *Курица гребет, чтоб зернышко найти*. Хотя ни в украинском, ни в русском малом фольклоре нам не удалось найти таких вариантов с компонентом *зернятко* и *зернышко*, но близкие к русинской поговорке там зафиксированы. Таковы украинские пословицы *Кожна курка собі гребе*; *Курка, що гребе, то все на себе*; *Курочка гребе сама на себе*; *Всяка курка не дурна: не од себе, а все до себе гребе* [18, 1: 179]. Любопытно при этом, что тот же образ в составе паремиологии может реализоваться и в противоположном «философском» смысле: *Курка тільки від себе гребе*; *То лиш курка від себе гребе* [18, 1: 179].

Аналогичным образом строятся и русские пословицы об эгоистичном инстинкте нашей домашней птицы: *Курица и та к себе гребѣт* (Спир. 1985, 69); перм. *Одна курица под себя гребѣт* (Прок. 1988, 178) с одной стороны, и *Одна лишь курица от себя гребет* (Сок., 195); *Только одна курица гребѣт от себя* (Сок., 319).

В белорусской паремиологии реализуется лишь второй образ – курицы, гребущей не к себе, а от себя: *Курыца толькі ад сябе грабе* [3, 1: 189]. Ср., тем не менее: *Адзінокаму мужыку, як курыцы: ідзе ні капануў, дак і ўключуў* [3, 2: 39].

Русинская пословица и здесь становится неким паремиологическим «мостиком» от восточнославянского ареала к западнославянскому. В польском языке представлены варианты *Na to kura grzebie, żeby ziarnko znalazła; Każda kura sobie grzebie; Każda kurka pod swe skrzydło garnie; Każda kokoszka pod siebie korszka; kokoska do siebie koska*. [28, 2: 254–255]. Они, правда, представлены в относительно поздних (1894 г.) фиксациях, что не исключает влияния восточнославянских паремий этого типа.

Близкая по образности орнитологическая модель в западнославянских языках ареально смыкается уже с германоязычным пространством. Так, чеш. *Ani (ano) kuře darmo nehrábe*, т. е. «*nerádo darmo kutí*» зафиксировано уже в 1570 г. в разных вариантах, в том числе и диалектных (например: *Ani slepé kuře nehrabe nadarmo; Ani kuřa darmo někuse* и под.), словцк. *Ani kura (kurča) darmo nehrebie (nepapre); Na to kura hřebie, aby vyhrebľa (aby zrnko našla)* и пол. *Żadną kura nie grzebie darmo; Na to kur a grzebie, żeby coś miała* В. Флайшганс связывает с нем. *Kein Huhn scharrt umsonst* [25, 1: 706].

К русинской пословице **Куриця думала та й издохла** Д. Поп [17: 156] приводит украинское и русское соответствие: *Курка думала і в сун отпапила* и *Курица думала и в сун попала*. Видимо, это реконструкция автора словаря. Возможно, прототипом ему служили обороты, действительно зафиксированные в обоих языках:

Укр. *Попався, як курка в борщ; Попав, як ворона в юшку; Попався, як ворона в сун* [18, 4: 198]; *Гаразд сі діє: курка здохла, когут піє* [18, 3: 200].

Рус. *Индюк думал, думал, да и сдох* (Раз. 1957, 78); *Индюк думал, думал, да в сун попал* (Запись 1976 г., Ленинград); *попасть (попасться, угодить) куда как кур во щи (в ошип)* (Зимин, Спирин 1996, 104, 118). Известно выражение (хотя и относительно поздно – с 1860 г.) и в польском языке: *Indyk myślał i zdechł; Indyk myślał i głowę mu ucieli* [28, 1: 797].

Как видим, ареальная проекция русинской пословицы **Куриця думала та й издохла** амбивалентна: в варианте с компонентом *куриця* она является собственно русинской, но структурно-семантическая модель с другими орнитонимами (особенно *индюк*) делает ее восточнославянско-польской.

Русинскую пословицу **Куря квѣдці не розказує** Д. Поп [17: 156] сопровождает двумя близкими, но отличающимися по глагольному компоненту известными украинскими и русскими паремиями: *Яйця курки не вчать – Яйца курицу не учат*. Легко увидеть, что при общности смысла они отличаются по компонентному составу. Ареальную очерченность русинской пословицы подтверждает и тезаурус укра-

инской паремииологии, где *Куря квочці не розкаже* извлечена именно из закарпатского сборника пословиц и поговорок [18, 1: 180].

Русинская же пословица **Яйце курицу учить**, к которой Д. Поп [17: 234] предлагает украинский и русский эквиваленты *Діти батька вчать* – *Яйца курицу учат*, как и рус. *Яйца курицу не учат*, имеет весьма широкий славянский ареал и вариантное разнообразие: укр. *Яйця курки не вчать*; *Курку яйця не вчать*; бел. *Яйцо курыцу [не] вучыць*; *Яйка мудрэjšае за курыцу*; пол. *Jajko kurę uczy*; *Jajko [chce być] mądrzejsze od kury*; *Jeszcze przykładu nie było, żeby jajo kurę uczyło*; словцк. *Kurča učí staru sliepku*; *Vajce múdrejšie ako sliepka*; *Vajce chce byť múdrejšie od sliepy*; чеш. *Už vejce moudřejší než slepice*; серб. *Jaje kokošku учи* [7: 181].

Ср. также такие варианты, как укр. *Мудріше яйце від курки*; *Мудрішіі тепер яйця, ніж кури*; *Яйце хоче бути мудрішим від курки*; *Мудрішіі тепер яйця, ніж кури* [18, 1: 181]; бел. *Яйца курыцу вучаць*; *Яйцы курэй не вучаць*; *Бывае, што і яйца курыцу вучаць*; *Разумнейшыя яйца за куры* [3, 2: 124]; рус. *Курицу яйца не учат* (ДП, 633, 684; Соб. 1961, 72, 136); *Яйца кур не учат* (Раз. 1957, 42); *Яйца курицу не учат* (Соб. 1956, 52; Спир. 1985, 63); *Яйца курицу учат* (Лексикон 1731, 184); *Яйца курицы не учат* (ДП, 156); *Яйца хотят курицу учить* (Тан. 1986, 169). Ср. переделку этой пословицы уже в XVIII в.: «И тако ныне яйце хочет быть мудрее кокоши». «Обличение на соловецкую челобитную, сочинённое убо на сербском языке Юрием Сербиянином... 1704» (СлРЯ XVIII в. 10, 86).

В западнославянском ареале они столь же активны, как и в восточнославянском:

– пол. (1558) *Jaje chce być mędrsze niż kokosz*; *Jużci dziś nie tylko kury mądre, ale też i same jajca*; *Mędrsze dzisiaj jajca aniżeli kokoszy*; *Mędrsze jajca niż kokoszy*. *Jajca kury uczyć poczyna*; *Niechaj jaja kur rozumu nie uczą*; *Jaja kur nie uczą*; *Jaje kury uczą*; *Jeszcze przykładu nie było, żeby jaje kurę uczyło* [28, 1: 816–817]; (1639) *Mądrzejsze kurczęta od kury*; *Teraz nastają mędrsze kurczęta niżeli kokosz*; *Więcej teraz u kurcząt rozumu, niż przedtem u samych kurów było*; *Od kokoszy chcą często być mędrsze kurczęta*; *Kurczęta mądrzejsze niż stare kury*; *Mędrsze kurczęta niż kokosz* и др. [28, 2: 258];

– чеш. *Kuřátko chce již múdrejšie býti nežli slepice*; *Kuře chce býti moudřejší než slepice*; *Moudřejší kuře než slepice*; *Kuře chce býti moudřejší než kvočna*; *kuře učí slepici*; *Když kuře učí slepici, tuť mistruji učedlnici*; *Kuře učí slepici hřabát* [25, 1: 706–707]. В. Флайшганс в своем сборнике старочешских пословиц приводит не только славянские (например, словацкие у польские) соответствия этой паремии, но и романские и германские: фр. *Les poucins mènent les gelines*; нем. *Das Küchlein*

lehat die Glucke scharren [25, 1: 706–707]. На европейские параллели этой пословицы давно уже обратил внимание Фр. Лад. Челаковский в своем «*Mudrosloví*», приводит к чеш. *Už vejce moudřejší než kuře; Kuře chce už moudřejší býti než slepice; Kuře učí slepici*, кроме в.-луж. *Jajo je mudřiše jak kokoš*; рус. *Яйца курицу учат*; хорв. *Lajce hoæe veæ znati neg kokoš* и др., также и датские, эстонские и немецкие параллели, например *Das Ei will klüger sein als die Henne* [24: 266].

Заключение

Фразеологизмы с компонентами-орнитонимами, как мы видели, отражают органическое единство душевной, психической и телесной характеристики человека и различных ситуациях, в которые он попадает. Находят отражение в этих паремиях и такие стороны, как эмоционально-психические особенности, физическая и речевая деятельность, интеллектуальные свойства, физиологическое состояние и т. п. Русинская орнитологическая фразеология и паремиология убедительно доказывают значимость такой характеристики языковыми средствами. Отражая концептуальную универсальность орнитонимов, они в то же время демонстрируют как конкретные межъязыковые и культурные связи с паремиологией других народов, так и собственную национальную специфику, сформировавшуюся на конкретной территории в конкретный исторический период. Тем самым подтверждаются некоторые наши констатации, сделанные на русинском материале другого порядка [9; 10].

Русинская специфика, как показало ее сопоставление с аналогичной украинской, белорусской и русской, а также польской, словацкой и чешской на широком общеевропейском фоне, проявляется в основном в форме паремий, а не в их содержании. Дидактический смысл славянской (в том числе и русинской) паремиологии остается в основном интернациональным – как это давно показали паремиологические тезаурусы Яна Амоса Коменского [26] и Франтишка Ладислава Челаковского [24]. Тем самым, русинский язык и его культура, в том числе и паремиологическая, демонстрируют древнее и неразрывное единство славянской и неславянской Европы, постоянно взаимно обогащавших друг друга.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. В целях экономии места точные данные об источниках (в сокращении) читатель найдёт для украинских материалов в академическом 4-томном сборнике М.М. Пазяка [18], а для русских – в нашем словаре: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.

Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / под ред. проф. В.М. Мокиенко. 4-е изд., стереотипн. М.: Астрель; АСТ; Люкс, 2007. 926. [2] с.
2. *Беларуска-рускі слоўнік.* Т. 1–2. 2-е вид. Мінск, 1988–1089.
3. *Грынблат М.Я.* Приказки: Приказки і прымаўкі. Кн. 1–2 / склад. М.Я. Грынблат. Мінск, 1976. Кн. 1. 559 с.; Кн. 2. 616 с.
4. *Ермачкова О.Е.* Некоторые орнитонимы в русской и словацкой фразеологии // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры: сб. науч. тр. по итогам 4-й Междунар. науч. конф. по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26–27 марта 2019 г.) / Н.Ф. Алефиренко, Е.Г. Озерова, К.К. Стебунова и др. Белгород: Эпицентр, 2019. С. 324–327.
5. *Керча Ігор.* Русиньско-російський словник: у 2 т. Понад 58 000 слів. Русинско-русский словарь: в двух томах. Свыше 58 000 слов. Т. 1: (А–Н). 608 с.; Т. 2: (О–Я). 608 с. Ужгород: ПолиПринт, 2007.
6. *Коваленко Н.Д.* Фразеологічний словник подільських і суміжних говірок. Кам'янець-Подільський: Рута, 2019. 412 с.
7. *Котова М.Ю.* Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / под ред. П.А. Дмитриева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 360 с.
8. *Лепешай І.Я.* Етымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2004. 448 с.
9. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. 2016. № 3 (45). С. 119–129. DOI: 10.17223/18572685/45/9
10. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне // Славянская микрофилология / под ред. А.Д. Дуличенко, Мотоки Номати. – Slavic-Eurasian research center. – Hokkaido University, Sapporo. Vene ja slaavi filologia osakond (=Slavica Tartuensia XI / Slavic Eurasian Studies No. 34). Tartu, 2018. С. 103–128.
11. *Мокиенко В.М.* Загадки русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1990. 160 с.
12. *Мокиенко В.М.* Праславянський слід в русинській лексиці і пареміології: потя // Русин. 2021. № 66. С. 119–148.
13. *Номис М.* Українські приказки, прислів'я і таке інше: Зб. О.В. Марковича і других / спорудив М. Номис. СПб., 1864. 3-е вид. Київ: Либідь, 1993. 766 с.
14. *Олійник І.С., Сидоренко М.М.* Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник. Вид. 2-е. Київ, 1978. 447 с.

15. *Палевская М.Ф.* Материалы для фразеологического словаря русского языка XVII века. Кишинев: Штиница, 1980. 367 с.
16. *Поп Д.* Русинсько-українсько-руський и русско-українсько-русинський словари. Ужгород: Повч Р.М., 2011. 312 с.
17. *Поп Д.* Русинско-українсько-руський и русско-русинсько-український фразеологические словари. Ужгород, 2011. 241 с.
18. Прислів'я та приказки. Упорядник М.М. Пазяк. К.: «Наукова думка». Т. 1: Природа. Господарська діяльність людини. 1989. 479 с.; Т. 2: Людина. Родинне життя. Риси характеру. 1990. 524 с.; Т. 3: Взаємини між людьми. 1991. 440 с.; Т. 4: Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток / упорядник М.М. Пазяк. К.: Наукова думка, 2001. 392 с.
19. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. Т. 1: А–Г. М.: Международные отношения, 1995. 584 с.; Т. 2: Д–К (Крошки). М.: Международные отношения, 1999. 697 с.; Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). М.: Международные отношения, 2004. 704 с.; Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). М.: Международные отношения, 2009. 656 с.; Т. 5. М.: Международные отношения, 2013.
20. *Тимошенко И.Е.* Литературные первоисточники и прототипы трёхсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897. 172 с.
21. *Франко Иван.* Галицько-руські приповідки: в 3 т., 6 вип. / зібрав, упорядкував і пояснив д-р. Иван Франко // Етнографічний збірник. Львів, 1901. Т. 10; 1905. Т. 16; 1907. Т. 23; 1908. Т. 24; 1909. Т. 27; 1910. Т. 28.
22. *Arthaber A.* Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue (italiana; latina; francese; spagnola; tedesca; inglese; greca antica). Milano: Ulrico Hoepli Editore, 1989. 822 s.
23. *Bachmannová J., Suksov V.* Jak se to řekne jinde. česká přísloví a jejich jinojazyčné protějšky. Praha: EUROMEDIA – Knižní klub, 2008. 1. vyd. 384 s.
24. *Čelakovský F.L.* Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prstonárodních českých pořekadel. Uspořádal a vydal František Lad. Čelakovský. Praha: nakl. Vyšehrad, 1949. 922 s.
25. *Flajšhans V.* Česká přísloví. Sbíрка přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku. Díl I. Příslloví staročeská. Díl I (A–N), díl II (O–Ru). Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1911–1913; 2-é, rozšířené vydání. Předmluva V. Mokienko, komentáře V. Mokienko, L. Stěpanova / Editors V. Mokienko, L. Stěpanova. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013.
26. *Komenský J.A.* Moudrost starých Čechů, za zrcadlo vystavěna potomkům. Z rukopisu Lesenského // Spisy Jana Amosa Komenského. Vydal Jan Novák. Číslo 2. Praha, 1901. 113 s.
27. *Krzyżanowski J.* Mądrej głowie dość dwie słowie. Warszawa, 1975. T. 1–3. 3-ie wyd. Warszawa, 1975. T. 1. 346 s.; T. 2. 342 s.; T. 3. 360 s.

28. Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / pod red. akad. Ju. Krzyżanowskiego. T. 1–4. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1969–1978.

29. Pavlica, J. Frazeeološki slovar v peti jeziki. Ljubljana: Postojna, 1960. 688 s.

30. Röhrich L. Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Bd. 1–IV. Freiburg; Basel; Wien, 1991–1993.

31. Skorupka St. Idiomatyzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza // Славянская филология. М., 1958. Т. 3. С. 124–155.

32. Stěpanova Ludmila. Rusko-český frazeologický slovník. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2007. 878 s.

33. Wander K.F.W. Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. 5 Bde. Leipzig, 1867–1889. Ndr. Darmstadt, 1964; Ndr. Kettwig, 1987.

REFERENCES

1. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2007) *Slovar' russkoy frazeologii. Istoriko-etimologicheskii spravocnik* [Dictionary of Russian Phraseology. Historical and Etymological Reference Book]. 4th ed. Moscow: Astrel': AST: Lyuks.

2. Krapiva, K. et al. (1988–89) *Belaruska-ruskí slouník* [Belarusian-Russian Dictionary]. 2nd ed. Vol. 1-2. Minsk: Belorusskaya sovetskaya entsiklopediya.

3. Grynblat, M.YA. (1976) *Prykazki i prymauki* [Proverbs and Sayings]. Vols. 1-2. Minsk: Navuka i tekhnika.

4. Ermachkova, O.Ye. (2019) Nekotorye ornitonimy v russkoy i slovatskoy frazeologii [Some ornithonyms in Russian and Slovak phraseology]. In: Alefirenko, N.F., Ozerova, E.G., Stebunova, K.K. et al. *Frazeologiya v yazykovoy kartine mira: kognitivno-pragmaticheskie registry* [Phraseology In the Language Picture of the World: Cognitive-Pragmatic Registers]. Belgorod: OOO Epitsentr. pp. 324–327.

5. Kercha, I. (2007) *Rusin'sko-rosiys'kiy slovník: u 2 t.* [Rusin-Russian Dictionary: in two vols]. Uzhhorod: PoliPrint.

6. Kovalenko, N.D. (2019) *Frazeologichnyy slovník podil'skikh i sumizhnykh govirok* [Phraseological Dictionary of Podolsk and Related Dialects]. Kamyanets-Podilskiy: Ruta.

7. Kotova, M.Yu. (2000) *Rusko-slavyanskiy slovar' poslovits s angliyskimi sootvetstviyami* [Russian-Slavic dictionary of proverbs with English equivalents]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

8. Lepeshaĭ, Í.Ja. (2004) *Etymalogichny sloŭnik frazealogizmaŭ* [Etymological Dictionary of Phraseological Units] Minsk: Belaruskaya entsyklopedyya.

9. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016) Cognitive potential of Rusin proverbs compared with those in the Russian and Ukrainian languages. *Rusin*. 3(45). pp. 119–129 (in Russian) DOI: 10.17223/18572685/45/9

10. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Karpatorusinskie somaticheskie paremii na slavyanskom fone [Carpatho-Russomatic paroemias on a Slavic background]. In: Dulichenko, A.D. & Motoki Nomati. (eds) *Slavyanskaya mikro-filologiya* [Slavic microphilology]. Tartu: Tartu Ülikool. pp. 103–128.

11. Mokienko, V.M. (1990) *Zagadki russkoy frazeologii* [Riddles of Russian Phraseology]. Moscow: Vysshaya shkola.

12. Mokienko, V.M. (2021) Proto-Slavic trace in Rusyn lexis and paremiology: potya. *Rusin*. 66. pp. 119–148 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/66/8

13. Nomis, M. (ed.) (1993) *Ukrains'ki prikazki, prisliv'ya i take inshe* [Ukrainian sayings, proverbs and the like]. St. Petersburg: [s.n.].

14. Olíynik, Í.S. & Sidorenko, M.M. (1978) *Ukrains'ko-rosiys'kiy i rosiys'ko-ukrains'kiy frazeologichnyi slovník* [Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian Phraseological Dictionary]. 2nd ed. Kyiv: Radyans'ka shkola.

15. Palevskaya, M.F. (1980) *Materialy dlya frazeologicheskogo slovaryá russkogo yazyka XVII veka* [Materials for the phraseological dictionary of the Russian language of the 18th century]. Chişinău: Shtinita.

16. Pop, D. (2011) *Rusins'ko-ukrayins'ko-rus'kiy i russko-ukrainsko-rusins'kiy slovari* [Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian-Rusin Dictionaries]. Uzhhorod: Povch R.M.

17. Pop, D. (2011) *Rusinsko-ukrainsko-russkiy i russko-rusinsko-ukrainskiy frazeologicheskie slovari* [Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Rusin-Ukrainian Phraseological Dictionaries]. Uzhhorod: BBK.

18. Pazyak, M.M. (2001) *Prisliv'ya ta prikazki* [Proverbs and Sayings]. Kyiv: Naukova dumka.

19. Tolstoy, N.I. (2004) *Slavyanskíe drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

20. Timoshenko, I.Ye. (1897) *Literaturnye pervoistochniki i prototipy trekhstot russkikh poslovits i pogovorok* [Literary primary sources and prototypes of three hundred Russian proverbs and sayings]. Kyiv: [s.n.].

21. Franko, Í. (1901–1910) *Galits'ko-rus'ki pripovidki: v 3 t.* [Galician-Russian tales: in 3 vols]. *Etnografichnyi zbirnik*. 10, 16, 23, 24, 27, 28.

22. Arthaber, A. (1989) *Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue (italiana; latina; francese; spagnola; tedesca; inglese; greca antica)*. Milano: Ulrico Hoepli Editore.

23. Bachmannová, J. & Suksov, V. (2008) *Jak se to řekne jinde. česká přísloví a jejich jinojazyčné protějšky*. Praha: EUROMEDIA – Knižní klub.

24. Čelakovský, F.L. (1949) *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prstonárodních českých pořekadel*. Praha: nakl. Vyšehrad.

25. Flajšhans, V. (2013) *Česká přísloví. Sbírká přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*. 2nd ed. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.

26. Comenius, J.A. (1901) *Spisy Jana Amosa Komenského*. Vol. 2. Praha: [s.n.].
27. Krzyżanowski, J. (1975) *Mądrej głowie dość dwie słowie*. Warszawa: [s.n.].
28. Krzyżanowski, J. (ed.) (1969–1978) *Nowa księga przysłów i wyrażení przysłowiowych polskich*. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy.
29. Pavlica, J. (1960) *Frazeološki slovar v peti jeziki*. Ljubljana: Postojna.
30. Röhrich, L. (1991–1993) *Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten*. Freiburg; Basel; Wien: Herder.
31. Skorupka, St. (1958) Idiomatyzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza. *Slavyanskaya filologiya*. 3. pp. 124–155.
32. Stepanova, L. (2007) *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.
33. Wander, K.F.W. (1987) *Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk*. Leipzig: wbg Academic in Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Valerii M. Mokienko – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: mokienko40@mail.ru